

ББК 83.3(2=411.2)53-3

О. В. Рябов

**«РОДИНА-МАТЬ»
В РЕВОЛЮЦИОННОЙ КАРИКАТУРЕ НАЧАЛА XX в.:
ЛЕГИТИМАЦИЯ И ДЕЛЕГИТИМАЦИЯ ВЛАСТИ**

Женщина в российском обществе. 2017. № 2 (83). С. 84—97

Анализируется использование материнского символа России в революционном дискурсе 1905—1917 гг. на материале сатирических журналов. Автор показывает, что «Родина-мать» выступает важным ресурсом легитимации власти. Вместе с тем революционный дискурс привлекает его к оспариванию легитимности власти. Различимы два модуса делегитимации. Борьба за обладание этим символом, за право говорить от его имени характерна для одного из них, который связан с народнической идеологией; Родина-мать была здесь представлена как жертва государства. Другой модус, в большей степени связанный с либеральным и большевистским дискурсами, предполагал по преимуществу девальвацию данного символа.

Ключевые слова: «Родина-мать», легитимация власти, революция 1905—1907 гг., Февральская революция 1917 г., Октябрьская революция 1917 г., сатирические журналы, карикатура.

DOI: 10.21064/WinRS.2017.2.8

O. V. Riabov. The “Motherland” in the revolutionary caricature of early XX c.: legitimation and delegitimation of power

The article, focusing on Russian satirical journals research, dwells upon role of the symbol of the Motherland in discourses of Russian revolutions of 1905 and 1917. The author points out that the symbol was exploited by majority of political forces. The authorities employed it in maintaining legitimacy of power. The author discerns two modes of delegitimation of power with the help of the symbol. The first one implies symbolic struggle for possessing the symbol, for the right to speak on behalf of the Motherland. It is based on the populist (the *narodnik*) image of the Mother Russia as a victim of the Russian state. The second, that was connected with the Bolshevik and liberal ideologies, implies devaluation and desacralization of the symbol.

Key words: the symbol of Motherland, legitimation of power, the Russian Revolution of 1905—1907, the February Revolution of 1917, the October Revolution of 1917, Russian satirical journals, caricature.

© Рябов О. В., 2017

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00010 «Символ “Родина-мать” в символической политике современной России».

Рябов Олег Вячеславович — доктор философских наук, профессор, консультант проректора по научной работе, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, Riabov1@inbox.ru (Dr. Sc., Professor, Consultant of Vice-Rector for Research, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia).

Основным вопросом революции, как подчеркнул В. Ленин, является вопрос о власти; очевидно, это справедливо и в отношении революции символической, когда противоборствующие стороны сражаются за символическую власть (понимаемую П. Бурдые как способность создавать или изменять категории восприятия и оценки социального мира, которые, в свою очередь, могут оказывать непосредственное влияние на его организацию [Бурдые, 2007]). Важнейшее место в этих процессах занимает проблема легитимности власти. Д. Битэм определяет легитимную власть как власть правомерную постольку, поскольку она соответствует нормативным критериям ее получения и использования [Beetham, 2013: X].

В революционном дискурсе начала XX в. политические акторы использовали различные способы легитимации власти, равно как и оспаривания ее легитимности. Среди них заметную роль играло привлечение материнского символа России. Как власть включала этот символ в обоснование собственной легитимности в период революционных событий 1905—1917 гг.? Как различные политические силы используют его в делегитимации власти? Какие изменения в этих процессах происходят в данный период? В настоящей статье эти вопросы рассматриваются на таком виде источников, как сатирические журналы. Belle Époque занимает особое место в истории мировой сатирической графики. Возникший в конце XIX в. югендстиль дал мощный импульс развитию политической карикатуры, что было связано с появлением выдающихся сатирических журналов — в первую очередь мюнхенского «Симплициссимуса». И в России этот период был временем расцвета политической карикатуры. Революционные события сопровождались появлением огромного количества сатирических журналов, которые издавали представители всех основных политических сил страны. Если до 1905 г. в России выходило 47 сатирических журналов, то за годы революции их число достигло 485; общее количество выпусков сатирических журналов, опубликованных в период революции, оценивают в 2,5 тысячи [Жуков, 1989: 52; Боцяновский, Голлербах, 1925; Бочаров, Ипполит, 1930].

«Родина-мать» в визуальной культуре начала XX в.

Появившись как «Мать-сыра земля» в языческое время, материнский образ страны проходит через всю историю отечественной культуры, принимая различные формы: Русская земля, Святая Русь, Россия-матушка, Родина-мать [Рябов, 2007]. В рассматриваемый период в политическом лексиконе использовались прежде всего такие концепты, как «Россия-матушка» и «Родина-мать». Вопрос о том, в какой степени можно говорить об их синонимичности, нуждается в отдельном исследовании. На данной стадии понимания проблемы мы можем предположить, что в официальном дискурсе — например в речах и манифестах Николая II — больше используется первый термин (хотя встречается и второй); термин «Родина-мать» чаще привлекают для демонстрации уязвимости России, включаясь в призывы к защите ее от внешних и внутренних врагов.

Первые изображения России в женском облике относятся к началу XVIII в. За два века после этого исследуемый символ получил воплощение в различных способах визуализации: в монументальной скульптуре и мелкой пластике, медальонах и банкнотах, почтовых открытках и календарях. Появляется

он и в карикатурах, опубликованных в сатирических журналах второй половины XIX в. [Рябов, 2014]. Карикатура — это текст-изображение, основанный на художественном и публицистическом искажении реальности, продиктованном необходимостью воздействия на аудиторию с целью вызвать у нее смех [Айнутдинов, 2010]. Выделяют социологический и собственно художественный аспекты карикатуры как фактора политики. Социологический аспект обусловлен тем, что в отличие от других форм визуализации произведения карикатуристов распространяются широко и оперативно, их «потребление» не требует специальной подготовки, а нередко и знания языка. Что касается собственно художественного аспекта, то карикатура обладает особыми возможностями в плане производства ирреального мира; получая значительную изобразительную свободу, художник может заострять одни черты культуры и затушевывать другие. Особое значение способность карикатуры к гиперболизации приобретает в процессах коллективной идентификации, позволяя проводить символическую границу между «своими» и «чужими» ярко и отчетливо. Эти черты карикатуры дают возможность использовать ее в политической борьбе [Гайлите, 2013].

К началу XX в. был сформирован канон аллегорического изображения России, которому следовали и художники, работавшие в сатирических журналах. Россию рисовали молодой, полной сил женщиной со славянскими чертами лица. Заслуживает внимания ее одежда. Если для образов России, созданных в XVIII в., характерен наряд античный, то с начала следующего столетия — национальный: кокошник или шапка Мономаха, платье времен допетровской Руси; как правило, она представлена со щитом, украшенным изображением двуглавого орла. Иногда Россия принимала облик воительницы: на ней была кольчуга и древнерусский островерхий шлем, в руках — меч и щит. Заметим, что те же закономерности можно увидеть и в женских аллегориях других наций: символы страны были представлены в одеяниях античных («Британия») или средневековых («Германия») (в то время как символизирующие страну мужчины были облачены в современный костюм — например «Джон Буль» в Англии). Женские образы были призваны персонифицировать нечто незыблемое, те вечные ценности, которые противостоят «современной порочной цивилизации» [Mosse, 1985: 23, 64]. Наконец, интерес в контексте нашего исследования представляет рост аллегории России: она изображалась одинакового роста с антропоморфными аллегориями других стран, но как значительно более высокая, чем ее «дети» — подданные Российской империи (прил., ил. 1). Вместе с тем начиная с первых изображений XVIII в. она рисовалась соразмерной по росту там, где была представлена с царем. Это вполне объяснимо, если принимать во внимание, что, как показано в известном исследовании Э. Канторовича, монарх обладает двумя телами [Kantorowicz, 1957] и вот его второе — священное, политическое — тело было вполне соразмерно телу России.

«Родина-мать» в революционной карикатуре 1905—1907 гг.

Образ особых отношений царя и России и выступал одной из форм легитимации власти. Широкое распространение речевой формулы «Царь-батюшка и Россия-матушка» может свидетельствовать, что мифология иерогамии, священного брака Правителя и Земли, известная со времен древневосточных государств

[*ibid.*], являлась важным элементом символической конструкции российской государственности исследуемого периода¹. Все помыслы царя проникнуты заботой о России-матушке. В данном образе «зашифрован» определенный социально-политический порядок: Россия — это продолжение царя, это народ, который любит царя, един с ним и связан с монархией неразрывными узами.

Еще одна форма легитимации монархии — позиционирование царя как защитника интересов России во внешней политике. Уже в древнерусских текстах князь представлен как защитник Русской земли, хранитель ее чести [Чёрная, 1991]. Образ России-матушки, Родины-матери активно включается в военную пропаганду власти; например, «крепко и честно постоять за славу матушки-России» Николай II призывает войска, отбывающие на Русско-японскую войну [Долгов, 2012].

Легитимность власти укрепляется и благодаря тому, что она представляет своих оппонентов в качестве внутренних врагов, предателей Родины-матери, ее неверных детей². В тех сатирических журналах, которые принято относить к черносотенным («Виттова пляска», «Плювиум», «Кнут», «Жгут», а позднее, с 1911 г., еще и «Паук»), образ Родины символизировал как силу России, так и ее страдания, причиняемые «смутьянами», способствуя интерпретации «смуты» как явления нерусского по самой своей природе. Так, на карикатуре из журнала «Плювиум» революционер-«инородец» пытается уложить в гроб женщину, олицетворяющую Россию («Вколачивание в гроб заживо» (Плювиум. 1907. № 43. С. 2); см. также, напр.: «Избави нас от лукавого» (Плювиум. 1907. № 15. С. 1); [Смирнова, 1906]). Собственно, та же идея, пусть в смягченном варианте, выражена в карикатуре Б. Нико «Мать и дети»: оппоненты власти в стремлении к прогрессу и свободе не знают меры. Подпись под рисунком гласит: «Русские “свободные дети”, чтобы перерядить свою мать-Родину, озорно и грубо ее обдирают и грязнят» (Будильник. 1906. № 1. С. 1).

Наконец, легитимация власти предполагает легитимацию сообщества и государства, от имени которых она говорит. Использование материнского символа играло важную роль в «способах воображения» (если пользоваться терминологией Б. Андерсона) Российской империи, благодаря которым она воспринималась ее подданными как легитимное политическое целое, их связь с ней — как органическая и неразрывная, а их деятельность на благо страны — как долг каждого. Тот канонический образ России-матушки, о котором шла речь выше, также служил легитимации империи, ассоциируя ее в визуальном дискурсе с такими чертами, как достоинство, миролюбие, справедливость, ум, целомудрие, верность православию, величие, здоровье, сила.

---

¹ Отзвуки идеи священного брака «Царя-батюшки» и «России-матушки» можно найти и в ритуалах Московской Руси [Hubbs, 1988: 188—189].

² Еще в текстах петровского времени можно обнаружить использование подобного приема легитимации власти при осуждении политики гетмана И. Мазепы — «нового Иуды», «второго Каина». Россия в одном из произведений Стефана Яворского произносит следующие слова: «Аще бы ми враг поносил сугубо, / Претерпела бы казни его любо. / Но от своего чада прелюбима / О, коль матери язва нестерпима!» [Стефан Яворский, 1970: 268].

Материнский образ страны используется на протяжении всей истории России не только в легитимации власти, но и в ее делегитимации. Вероятно, первым случаем эксплуатации этого образа в данном контексте стали слова князя Андрея Курбского о сторонниках Ивана Грозного: «Прогрызли они чрево у матери своей, святой русской земли, что породила и воспитала их поистине на беду свою и запустение!» [Курбский, 1986: 319]. В народническом дискурсе XIX в. «матушка-Русь» становится символом оппозиции государству (которое к тому же после Петровских реформ нередко ассоциируется с чем-то чуждым в национальном плане, западным по самой своей сущности; см. подробнее: [Рябов, 2007]).

Период первой русской революции становится временем визуального оформления этой идеи. Образ России как женщины, угнетаемой царизмом, воспроизводится во многих журналах (напр.: «Голгофа» (Секира. 1906. № 7. С. 5); «Не видать ли?» (Нагаечка. 1905. № 4. С. 10); «Кажется, успокоилась» (Вампир. 1906. № 1. С. 1)). Этот образ тиражировался и в революционной поэзии (напр.: [Крамольник, 1906: 5]). Любопытно, что даже журнал «Скандал», основная часть материалов которого носила откровенно эротический характер, также, очевидно, считал необходимым помещать материалы, посвященные революционному освобождению России-матушки (см., напр.: [Л. К., 1906: 7]).

Тем самым революционный дискурс оспаривал такое значимое положение политической мифологии империи, как идею заботы Царя-батюшки о России-матушке; делегитимация осуществляется за счет деконструкции тех форм легитимации, которые эксплуатируют сторонники власти, привлекая материнский символ страны. Соответственно еще одним приемом делегитимации выступало разрушение образа правителя как защитника России от внешних врагов, и поражение в войне с Японией было использовано для демонстрации того, что власть оказывается неспособной защитить Родину-мать. Показателен в этом плане рисунок из журнала «Гном», посвященный, вероятно, реакции общества на неудачи российского флота (прил., ил. 2). В сопровождающем рисунок тексте «милая многострадальная Родина-мать» наделяется такими характеристиками, как «заплаканная», «забитая», «поруганная», «разоренная» [Христос воскрес!, 1906: 3]. Причиной ее печали является и внутривластная ситуация. «Пусть растворят тюрьмы, где томятся мои дорогие сыны», — говорит она (что не могло не напоминать русскому читателю известный пассаж из «Хождения Богородицы по мукам» [Рябова, 1996]).

Таким образом, один модус делегитимации власти предполагает борьбу за обладание материнским символом, за право говорить от его имени. Другой был связан с деконструкцией самого материнского образа России — прежде всего при помощи утверждения о том, что силы реакции используют его для разжигания настроений великодержавного шовинизма и подавления революции. При этом «Родина» была промаркирована как излюбленный образ черносотенцев. Так, журнал «Бомбы» печатает пародийное «взывание патриотов», обращенное к «господам любителям российской Родины», в котором есть такие слова: «Дорогая наша Русь-матушка погибает! Злые люди иноплеменные, инорожденные и окраинные ведут к ее ослаблению» [Взывание... , 1906: 7]. Похожий прием используют «Стрелы», помещая письмо, якобы написанное «черносотенцем

Фомой Краснорожим», уверяющим своих родителей: «А мы за Рассеюшку-матушку постоим и под студентом быть не хотим, а хотим под своим начальством» [Письмо черносотенца... , 1906: 5]. Безо всякого пиетета Россия изображается в визуальном дискурсе: на многих карикатурах она предстает старой, больной, некрасивой, невежественной женщиной.

«Родина-мать» в революционной карикатуре 1917 г.

Революционные события 1917 г. происходили в условиях участия России в Первой мировой войне; в военном дискурсе материнский символ страны использовался самым активным образом, и царская власть позиционировала себя защитницей России от внешнего врага [Riabov, 2014]. Даже отречение царя было представлено как продиктованное его заботой о благе России. «Нет такой жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родной матушки-России. Посему я готов отречься от престола...» — такие слова содержала телеграмма, подготовленная Николаем II для М. Родзянко, председателя Государственной думы (2 марта 1917 г.) [Спиридович, 1962: 296]. Россия как мать и защита ее как сыновний долг — эти сюжеты по-прежнему занимали заметное место в военной пропаганде. Сравнительно новым способом легитимации в условиях войны стало более частое обращение к идее России как общей матери всех народов империи. Так, известный журналист подчеркивал: «Локоть к локтю поляк, русский, еврей, латыш, грузин и татарин. Несть эллина и несть иудея. Все — дети общей родины» [Немирович-Данченко, 1914: 95], а в Декларации русских немцев, принятой в начале войны, было заявлено: «Мы, немцы, населяющие Россию, всегда считали ее своей матерью, своей родиной...» [Историческое заседание... , 1914: 78].

Среди приемов делегитимации монархии обращает на себя внимание активная эксплуатация мифологии иерогамии. История отечественной оппозиционной мысли отмечена различными приемами деконструкции этой мифологии. Прежде всего, правитель показывается как насильник, а не законный супруг России-матушки; тем самым он лишается права говорить от ее имени. Так, характеризуя Петровские реформы, славянофил И. Аксаков обозначает их как «изнасилование» Русской земли государством-царем [Аксаков, 1992: 265—266]. Помимо метафоры изнасилования, оппоненты власти используют метафору импотенции: поскольку политическое лидерство правителя подразумевает эталонный характер его маскулинности как символического супруга страны, постольку оппозиционная пропаганда для десакрализации власти стремится эксплуатировать различные формы его символической демаскулинизации.

В революционном дискурсе 1905 г. отзвуки данных приемов деконструкции мифологии иерогамии также были заметны. Правда, объектом критики выступал не Николай II, а скорее власть как таковая. В частности, на карикатуре А. Баркова из журнала «Шут» премьер-министр С. Витте пытается заключить в объятия Россию, на лице которой — испуг и отвращение (Шут. 1906. № 11а. С. 1); см. также карикатуру «Медовый месяц Витте» (Сигнал. 1905. № 3. С. 1). Теперь же мишенью критики становится личность Николая II. В исследовании Э. Хэминуэй анализируется одна из политических сказок 1917 г., которая начинается словами: «Жила-была богатая вдова, с красивым лицом и здоровым

телом, не старая и не молодая, и звали ее Россия-матушка». В этой сказке Колька Кабатчик, наряду с Прошкой Большевиком и Прошкой Меньшевиком, — всего-навсего один из сыновей России-матушки, но никак не муж [Nemenway, 1997: 103].

Неспособность Николая II быть супругом сакрального тела народа, России-матушки, демонстрируется и через его неспособность быть достойным мужем императрицы, чему были призваны способствовать слухи о романе Александры Федоровны с Г. Распутиным. Сатирическая графика внесла заметный вклад в продвижение этой идеи в массы. «По всей России к моменту революции ходило множество похабных рисунков. <Среди> этих граффити — “Семья”: бородатый мужик (Распутин), в его объятиях две крутобедрые красавицы (царица и Аня) и все это на фоне бесстыдно отплясывающих девиц (великие княжны)» [Радзинский, 1993: 133] (другие примеры подобных рисунков см.: [Евстигнеева, 1968: 137; Колоницкий, 2010: 319]).

В целом во время Февральской революции народнический дискурс угнетенной Родины активно используется для ниспровержения старой власти и легитимации новой. В одной из публикаций этого периода говорится: «За что же полюбил А. Ф. Керенский свою мать-Россию? Полюбил он ее пылкой сыновней любовью прежде всего за те страдания, которым целые века подвергали нашу мать-Россию ее наследственные мучители самодержавные цари и их сторожевые псы-опричники» [Кирьяков, 1917: 287]. Россия теперь представлена в виде женщины, разрывающей оковы (в частности, на жетонах, которые носили сторонники революции [Riabov, 2014]); активно эксплуатирует этот образ сатирическая графика (см., напр.: «Светлое России воскресение» (Будильник. 1917. № 14/15. С. 8—9)).

Со временем, однако, очарование революцией исчезает и образ освобожденной России-матушки перестает вдохновлять современников. В Розанов так описывает распространенное восприятие России в период падения царского режима: «Да, уж если что “скучное дело”, то это — “падение Руси”. <...> ...Шла пьяная баба, спотыкнулась и растянулась. Глупо. Мерзко. “Ты нам трагедий не играй, а подавай водевиль”» [Розанов, 1990: 396]. «Вечно-женственное» вдруг оказалось «вечно-бабьим», и в оценке происходящего у многих заметна изрядная доля мизогинии. Это разочарование можно проиллюстрировать карикатурами М. Бобышова и Б. Антоновского под названием «Дева Революция». Та, о которой грезили и которую воображали как юную прекрасную деву, оказалась в действительности вульгарной и немолодой «бабой» (Бич (Петербург). 1917. № 28. С. 1, 16).

Новый импульс развитию материнской метафоры России придало противостояние с большевиками. Образ Родины-матери, которой грозит опасность со стороны этой политической силы, занимал центральное место в листовках, распространяемых осенью 1917 г. [Nemenway, 1997: 115—116]. Большевики как «угнетатели матушки России», «наемники Кайзера», «палачи» — эти сюжеты активно используются в сатирической графике. Любопытно, как обыгрывается в антибольшевистском дискурсе идея иерогамии. Карикатура Б. Антоновского «Роман Ленина и России», опубликованная в «Новом сатириконе» в июле 1917 г., изображает настойчивые ухаживания В. Ленина за дородной женщиной в русском национальном костюме; ребенок, появившийся на свет в результате этого романа, рождается в кайзеровском шлеме (Новый сатирикон. 1917. № 27. С. 16).

После Октябрьской революции идея борьбы с большевиками как сражения с врагами Родины-матери занимает важное место в Белом движении. Революция как казнь России-матушки — такой рисунок был опубликован в «Новом сатириконе» (прил., ил. 3); тот же журнал изображает Россию в виде женщины, распинаемой на кресте германским офицером и российским предателем («Легкая работа» К. Груса (Новый сатирикон. 1918. № 5. С. 1)).

Образ распятой большевиками России-матушки был достаточно распространен; так, он нашел отражение в строках «Русской Голгофы» (1920) С. Бехтеева, чья поэзия пользовалась популярностью среди сторонников Белой идеи: «И воинство с “красной звездой”, / Приняв роковую печать, / К кресту пригвождает с хулою / Несчастную Родину-мать!» [Бехтеев, 1920].

Таким образом, в делегитимации Советской власти материнский символ Родины играл важную роль. Что же касается большевиков, то они практически не используют его в позитивном значении. О. Файджес и Б. Колоницкий, анализируя, как претенденты на власть боролись за право контролировать символическую систему революции, предлагают различать «язык включения» и «язык исключения» в России 1917 г.; первый характерен для дискурса народнического, второй — для большевистского [Figes, Kolonitskii, 1999: 116]. Очевидно, «Россия-матушка» как символ народного объединения большевикам была не нужна. Их дискурс делегитимации власти был построен на деконструкции образа Родины. Об отношении большевиков к исследуемому символу могут свидетельствовать слова из статьи М. Кольцова, опубликованной в «Правде» в 1934 г. Подчеркивая отличия Советской Родины от «старорежимной» России-матушки, автор приводит высказывание некоего отца Аркадия, законоучителя реального училища: «Убережем белоснежную отчизну от прикосновения нечистых рук инородцев, внешних и внутренних. Возлюбите православную нашу родину, как любит она вас... лелея сосцами своими под скипетром обожаемого монарха и царской семьи». Между тем, пишет Кольцов, не покидало ощущение, что к «сосцам» прильнули помещики, купцы, фабриканты. «Слова “родина” и “отечество” стояли в одном строю постылых, всем чуждых слов, там же, где “самодержавие”, “исполать”, “в бозе почил”, “августейший”», — заключает он [Кольцов, 1934].

В качестве важнейшего символа коллективной идентичности, заменившего «Россию-матушку», большевики использовали фигуру рабочего [Bonnell, 1997: 24]. Показательно, что еще на рисунке периода первой русской революции «Заключение союза», опубликованном в близком большевикам журнале «Свисток», изображен рабочий с женщиной в красных одеждах — однако это не Россия, а Марианна как символ свободы (прил., ил. 4).

Поскольку исследуемый образ в дальнейшем использовался белогвардейцами и имел прочные ассоциации с идеологией и мифологией царизма, то он не мог вызывать симпатий у новой власти. Действительно, само понятие родины было изъято из политического языка СССР до 1934 г., когда оно возрождается в дискурсе «Советской Родины-матери» [Рябов, 2007: 176—177, 183—187]. Советская культура создавала символику, которая должна была исключать символы прежнего, эксплуататорского строя (именно этим объясняется, например, чрезвычайно отрицательное отношение к образу орла [Bonnell, 1997: 196]),

а также — в силу классовой, а не национальной природы коммунистической идеологии и советского государства — элиминировать символы национальные.

Попробуем подвести итоги. В революционные события начала века были вовлечены различные ресурсы, в том числе и символический. Материнский символ России занимал среди них заметное место, что получило отражение и в сатирической графике. «Родина-мать» выступала важным фактором легитимации власти: этот символ включали в обоснование идеи монархии как священного брака Царя-батюшки и России-матушки, в легитимацию России как общей матери подданных империи, в позиционирование власти в качестве защитницы Родины от внешних врагов, в дискредитацию революционеров как предателей, ее неверных детей. Важную роль в легитимации играли визуальные средства, при помощи которых Россия наделялась положительными характеристиками, а ее враги — отрицательными.

Вместе с тем революционный дискурс включает символ и в делегитимацию власти; различимы два модуля делегитимации (которые можно привязать к определенной политической партии лишь с известной долей условности). Символическая борьба за обладание этим символом, за право говорить от его имени характерна для одного из них, который связан с народнической идеологией; Родина-мать была здесь представлена как жертва государства. Другой модуль, в большей степени связанный с либеральным и большевистским дискурсами, предполагал по преимуществу девальвацию данного символа.

Эти тенденции заметны в визуальной риторике всех трех революций. Если же говорить о динамике, то прежде всего нарастает тенденция снижения образа Николая II и монархии вообще. Однако и образ России становится все менее привлекательным, происходит его определенная десакрализация (кроме того, очевидно, демократизация жизни российского общества за исследуемый период способствовала и более демократичному изображению аллегории России [Аксёнов, 2015]). В остальном отмеченные формы активно используются и в современной России, где символ Родины-матери по-прежнему является важным ресурсом легитимности власти [Riabov, Riabova, 2014].

Библиографический список

- Айнутдинов А. С.* Карикатура как тип изображения комической интенции в современных российских печатных СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2010. 20 с.
- Аксаков И. С.* Речь о А. С. Пушкине // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М.: Республика, 1992. С. 263—280.
- Аксёнов В. Б.* От Родины-царицы к Родине-бабе: особенности фемининной репрезентации России в годы Первой мировой войны // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 9—27. URL: <http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2015/11/Aksenov.pdf> (дата обращения: 25.03.2017).
- Бехтеев С.* Русская Голгофа. 1920. URL: <http://pesni.voskres.ru/poems/behte44.htm> (дата обращения: 21.09.2016).

- Боцяновский В., Голлербах Э. Русская сатира первой революции, 1905—1906. Л.: Госиздат, 1925. 221 с.
- Бочаров Ю., Ипполит И. Журналы русские // Литературная энциклопедия: в 11 т. М.: Изд-во ком. акад., 1930. Т. 4. Стб. 217—260. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le4/le4-2172.htm> (дата обращения: 25.03.2017).
- Бурдые П. О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Ин-т эксперим. социол.; СПб.: Алетейя, 2007. С. 87—96.
- Взывание гг. «патриотов» // Бомбы. 1906. № 2. С. 7.
- Гайлите Г. Медведь и Латвия: образы латышско-российских отношений в карикатуре // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 4. С. 29—40. URL: <http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2013/11/gailite.pdf> (дата обращения: 25.03.2017).
- Долгов К. В. Полное собрание речей Николая II. М.: Книга по требованию, 2012. 80 с. URL: <http://www.librapress.ru/2015/02/Sobranie-rechej-Imperatora-Nikolaja-II.html> (дата обращения: 25.03.2017).
- Евстигнеева Л. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. М.: Наука, 1968. 456 с.
- Жуков М. Ю. Сатирические журналы периода первой российской революции как исторический источник // Новое о революции 1905—1907 гг. в России / под ред. Ю. Д. Марголиса. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 51—76.
- Историческое заседание Государственной думы // Великая война России за свободу и объединение славян / под ред. Д. И. Тихомирова. М.: Тип. К. Л. Меньшова, 1914. С. 63—84.
- Кирьяков В. А. Ф. Керенский // Нива. 1917. № 19. С. 287.
- Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое лит. обозрение, 2010. 664 с.
- Кольцов М. Найденная Родина // Правда. 1934. 19 июня.
- Крамольник Ю. Родине // Нагаечка. 1906. № 4. С. 5.
- Курбский А. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси, вторая половина XVI века. М.: Худож. лит., 1986. С. 218—399.
- Л. К. Родине // Скандал. 1906. № 2. С. 7.
- Немирович-Данченко В. И. Вчера и сегодня // Великая война России за свободу и объединение славян / под ред. Д. И. Тихомирова. М.: Тип. К. Л. Меньшова, 1914. С. 93—95.
- Письмо черносотенца на родину // Стрелы. 1905. № 3. С. 5.
- Радзинский Э. «Господи... спаси и умири Россию»: Николай II: жизнь и смерть. М.: Вагриус, 1993. 512 с.
- Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени // Розанов В. В. Уединенное. М.: Республика, 1990. С. 391—440.
- Рябов О. В. «Россия-Матушка»: национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart; Hannover: Ibidem, 2007. 290 с.
- Рябов О. В. «Родина-Мать» в истории визуальной культуры России // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2014. № 1. С. 90—113.
- Рябова Т. Б. Материнская и отцовская любовь в русской средневековой традиции // Женщина в российском обществе. 1996. № 1. С. 28—32.
- Смирнова С. И. Черная сотня. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1906. 16 с.
- Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция, 1914—1917 гг.: в 3 т. Нью-Йорк: Всеславян. изд-во, 1962. Т. 3. 315 с.
- Стефан Яворский. Стихи на измену Мазепы, изданные от лица всея России // Русская силлабическая поэзия / под ред. А. М. Панченко. Л.: Сов. писатель, 1970. С. 262—269.

- Чёрная Л. А. «Честь»: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI—XVII вв. // Древнерусская литература: изображение общества / под ред. А. С. Демина. М.: Наука, 1991. С. 56—84.
- Христос Воскрес! // Гном. 1906. № 5. С. 3.
- Beetham D. *Legitimation of Power*. London: Palgrave, 2013. 336 p.
- Bonnell V. E. *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*. Berkeley: University of California Press, 1997. 363 p.
- Figes O., Kolonitskii B. *Interpreting the Russian Revolution: the Language and Symbols of 1917*. New Haven: Yale University Press, 1999. 198 p.
- Hemenway E. J. *Mother Russia and the crisis of the Russian national family: the puzzle of gender in revolutionary Russia* // Nationalities Papers. 1997. Vol. 25, № 1. P. 105—116.
- Hubbs J. *Mother Russia: the Feminine Myth in Russian Culture*. Bloomington: Indiana University Press, 1988. 302 p.
- Kantorowicz E. H. *The King's Two Bodies: a Study in National Political Theology*. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1957. 568 p.
- Mosse G. L. *Nationalism and Sexuality: Middle-Class Morality and Sexual Norms in Modern Europe*. Madison: University of Wisconsin Press, 1985. 232 p.
- Riabov O. The symbol of «Mother Russia» across two epochs: from the First World War to the Civil War // *Russian Culture in War and Revolution, 1914—1922* / ed. by M. Frame, B. Kolonitskii, S. G. Marks, M. K. Stockdale. Bloomington: Slavica Publishers, 2014. Book 2: Political Culture. P. 73—98.
- Riabov O., Riabova T. Remasculinization of Russia? Gender, nationalism and legitimation of power under Vladimir Putin // *Problems of Post-Communism*. 2014. Vol. 61, № 2. P. 23—35.

References

- Aĭnutdinov, A. S. (2010) *Karikatura kak tip izobrazheniia komicheskoi intentsii v sovremennykh rossiiskikh pachatnykh SMI: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Caricature as a type of picturing comic intention in contemporary Russian printed mass media: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Ekaterinburg.
- Aksakov, I. S. (1992) Rech o A. S. Pushkine [Speech about A. S. Pushkin], in: Aksakov, K. S., Aksakov, I. S. *Literaturnaia kritika*, Moscow: Respublika, pp. 263—280.
- Aksënov, V. B. (2015) Ot Rodiny-tsaritsy k Rodine-babe: osobennosti femininnoi reprezentatsii Rossii v gody Pervoĭ mirovoi voĭny [From Motherland-tsarina to Motherland-baba: feminine representation of Russia in the years of the First World War], *Labirint: Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniĭ*, no. 4, pp. 9—27, available from <http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2015/11/Aksenov.pdf> (accessed 25.03.2017).
- Beetham, D. (2013) *Legitimation of Power*, London: Palgrave.
- Bekhteev, S. (1920) *Russkaia Golgofa* [Russian Golgotha], available from <http://www.derzava.ru/stihi/behteev.html> (accessed 21.09.2016).
- Bocharov, Iu., Ippolit, I. (1930) Zhurnaly russkie [Russian journals], *Literaturnaia entsiklopediia*: in 11 vols, Moscow: Izdatel'stvo Kommunisticheskoi akademii, vol. 4, stolbtsy 217—260, available from <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le4/le4-2172.htm> (accessed 21.09.2016).
- Bonnell, V. E. (1997) *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*, Berkeley: University of California Press.

- Botsianovskii, V., Gollerbakh, È. (1925) *Russkaia satira pervoi revoliutsii, 1905—1906* [Russian satire in the first revolution, 1905—1906], Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
- Bourdieu, P. (2007) O simvolicheskoi vlasti [On symbolic power], in: Bourdieu, P., *Sotsiologiia sotsial'nogo prostranstva*, Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii, St. Petersburg: Aleteia, pp. 87—96.
- Chërnaia, L. A. (1991) “Chest'”: predstavleniia o chesti i beschestii v russkoi literature XI—XVII vv. [“Honour”: views on honour and dishonor in Russian literature XI—XVII cc.], in: Demin, A. S. (ed.), *Drevnerusskaia literatura: Izobrazhenie obshchestva*, Moscow: Nauka, pp. 56—84.
- Dolgov, K. V. (2012) *Polnoe sobranie rechei Nikolaia II* [The complete collection of the speeches of Nicholas II], Moscow: Kniga po trebovaniu, available from <http://www.librapress.ru/2015/02/Sobranie-rechej-Imperatora-Nikolaja-II.html> (accessed 25.03.2017).
- Evstigneeva, L. (1968) *Zhurnal “Satirikon” i poëty-satirikontsy* [The “Satirikon” journal and its poets], Moscow: Nauka.
- Figes, O., Kolonitskii, B. (1999) *Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917*, New Haven: Yale University Press.
- Gaïlite, G. (2013) Medved' i Latviia: obrazy latyshsko-rossiiskikh otnosheniï v karikature [Bear and Latvia: the images of Latvian-Russian relations in caricature], *Labirint: Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniï*, no. 4, pp. 29—40, available from <http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2013/11/gailite.pdf> (accessed 25.03.2017).
- Hemenway, E. J. (1997) Mother Russia and the crisis of the Russian national family: The puzzle of gender in revolutionary Russia, *Nationalities Papers*, vol. 25, no. 1, pp. 105—116.
- Hubbs, J. (1988) *Mother Russia: The Feminine Myth in Russian Culture*, Bloomington: Indiana University Press.
- Istoricheskoe zasedanie Gosudarstvennoi dumy (1914) [Historical session of the State Duma], in: Tikhomirov, D. I. (ed.), *Velikaia voïna Rossii za svobodu i ob'edinenie slavian*, Moscow: Tipografiia K. L. Men'shova, pp. 63—84.
- Kantorowicz, E. H. (1957) *The King's Two Bodies: A Study in National Political Theology*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Khristos voskres! (1906) [The Christ is rising!], *Gnom*, no. 5, p. 3.
- Kir'iakov, V. (1917) A. F. Kerenskii [A. F. Kerenskii], *Niva*, no. 19, p. 287.
- Kolonitskii, B. I. (2010) “Tragicheskaiia erotika”: obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voïny [“The tragic erotic”: the images of the Emperor's family in the time of the First World War], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kol'tsov, M. (1934) Naïdennaia Rodina [The Motherland that have been found], *Pravda*, 19 June.
- Kramol'nik, Iu. (1906) Rodine [To the Motherland], *Nagaechka*, no. 4, p. 5.
- Kurbskii, A. (1986) Istoriiia o velikom kniaze Moskovskom [History of the Grand Prince of Moscow], in: Likhachev, D. (ed.), *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi, vtoraiia polovina XVI veka*, Moscow: Khudozhestvennaia literatura, pp. 218—399.
- L. K. (1906) Rodine [To the Motherland], *Skandal*, no. 2, p. 7.
- Mosse, G. L. (1985) *Nationalism and Sexuality: Middle-Class Morality and Sexual Norms in Modern Europe*, Madison: University of Wisconsin Press.
- Nemirovich-Danchenko, V. I. (1914) Vchera i segodnia [Yesterday and today], in: Tikhomirov, D. I. (ed.), *Velikaia voïna Rossii za svobodu i ob'edinenie slavian*, Moscow: Tipografiia K. L. Men'shova, pp. 93—95.
- Pis'mo chernosotensa na rodinu (1905) [A letter of the Black Hundred's member to home], *Strely*, no. 3, p. 5.

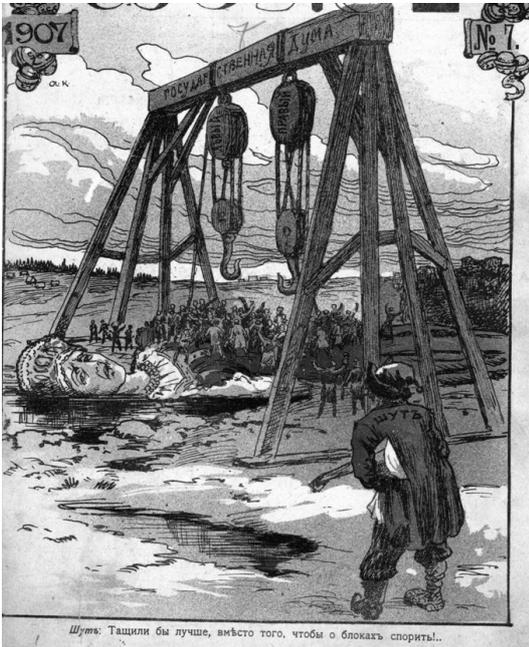
- Radzinskiĭ, È. (1993) “*Gospodi... spasi i usmiri Rossiiu*”: Nikolaĭ II: zhizn’ i smert’ [“Lord... Save and clam down Russia”]: Nicholas II: life and death], Moscow: Vagrius.
- Riabov, O. V. (2007) «*Rossii-Matushka*»: natsionalizm, gender i voĭna v Rossii XX veka [«Mother Russia»: nationalism, gender, and war in Russia of XX century], Stuttgart, Hannover: Ibidem.
- Riabov, O. (2014) The symbol of “Mother Russia” across two epochs: from the First World War to the Civil War, in: Frame, M., Kolonitskii, B., Marks, S. G., Stockdale, M. K. (eds), *Russian Culture in War and Revolution, 1914—1922*, Bloomington: Slavica Publishers, Book 2: Political Culture, pp. 73—98.
- Riabov, O. V. (2014) «Rodina-mat’» v istorii vizual’noĭ kul’tury Rossii [The “Motherland” in the Russian visual culture], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Istoriia, no. 1, pp. 90—113.
- Riabova, T. B. (1996) Materinskaia i otsovskaia liubov’ v russkoĭ srednevekovoi traditsii [Mother and father love in the Russian medieval tradition], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 28—32.
- Riabov, O., Riabova, T. (2014) Remasculinization of Russia? Gender, nationalism and legitimation of power under Vladimir Putin, *Problems of Post-Communism*, vol. 61, no. 2, pp. 23—35.
- Rozanov, V. V. (1990) Apokalipsis nashego vremeni [Our times Apocalypse], in: Rozanov, V. V., *Uedinĕnnoe*, Moscow: Respublika, pp. 391—440.
- Smirnova, S. I. (1906) *Chĕrnaia sotnia* [The Black Hundred], St. Petersburg: Tipografiia A. S. Suvorina.
- Spiridovich, A. I. (1962) *Velikaiia voĭna i Fevral’skaia revolutsiia, 1914—1917 gg.* [The Great War and February Revolution, 1914—1917], New York: Vseslavianskoe izdatel’stvo, vol. 3.
- Stefan Iavorskiĭ (1970) Stikhi na izmenu Mazepy, izdannye ot litsa vseĭia Rossii [Poem on Mazepa’s treason published on behalf of all Russia], in: Panchenko, A. M. (ed.), *Russkaia sillabicheskaia poĕziia*, Leningrad: Sovetskiĭ pisatel’, pp. 262—269.
- Vzyvanie gg. “patriotov” (1906) [The “patriots” claims], *Bomby*, no. 2, p. 7.
- Zhukov, M. Iu. (1989) Satiricheskie zhurnaly perioda pervoi rossiiskoĭ revolutsii kak istoricheskiĭ istochnik [Satirical magazines in the time of First Russian Revolution as historical source], in: Margolis, Iu. D. (ed.), *Novoe o revolutsii 1905—1907 gg. v Rossii*, Leningrad: Izdatel’stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 51—76.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список иллюстраций

1. Шуг. 1907. № 7. С. 1.
2. «Не плачь, красавица...» (Гном. 1906. № 5. С. 3).
3. А. А. Радаков. Последнее завоевание революции (Новый сатирикон. 1917. № 43. С. 16).
4. Д. И. Шатан. Заключение союза (Свисток. 1906. № 2. С. 16).

Иллюстрации

1

2

3

4